

Наталья
КОРНИЛОВА

ПАНТЕРА

БЫСТРЕЕ ПУЛИ

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ЭКСМО

Пантера

Наталья Корнилова

Быстрее пули

«ЭКСМО»

2002

Корнилова Н. Г.

Быстрее пули / Н. Г. Корнилова — «Эксмо», 2002 — (Пантера)

Мария, сотрудница детективного агентства, допустила непростительный прокол. Единственная свидетельница, тоненькая ниточка, ведущая к неуловимому преступнику, выбросилась из окна, лишь бы не навести на его след... Теперь для Марии, в глубине сознания которой живет хищная пантера, стало делом чести поймать убийцу. Он рассылет своим потенциальным жертвам рисунок кошачьей лапки. И вскоре человек, получивший такую «черную метку», умирает мучительной смертью. В клубе «Пирамида» задушен бизнесмен Борис Рейн, застрелен в собственном «Мерседесе» Виктор Семин. Получил такую метку и Владимир Каллиник, друг и деловой партнер убитых. Мария столкнулась с небывалым противником, если не превосходящим ее, то, во всяком случае, равным ей...

© Корнилова Н. Г., 2002

© Эксмо, 2002

Содержание

1	12
2	18
3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Наталья Корнилова

Быстрее пули

– Глупость какая-то, – сказал щуплый остролицый мужчина с длинным носом и пронзительными светлыми глазами. – У меня сын как-то раз тоже так подиштил. Нарисовал мне какую-то жуть на бумажке – череп со скрещенными костями – и подложил в машину. Оказывается, он посмотрелся мультика... этого, про пиратов. Да, «Остров сокровищ». И решил послать мне «черную метку» за то, что я отобрал у него мобильник.

– А что ты у мальчишки игрушку-то отобрал, Борис Ефимыч? – усмехнулся его собеседник, широкоплечий здоровяк с открытым улыбчивым лицом и высоким, с залысинами, лбом.

– А как не отобрать, если он, паразит, позвонил с этого мобильника куда-то в Таиланд... и уж я не знаю, на каком языке и с кем он там разговаривал, но только пришел мне счет со множеством нулей. Жена после этого хотела сына к бабушке отправить, но я сказал – что мы, звери, что ли? Ну нашлил ребенок, но зачем же ему сразу высшую меру наказания? – Борис Ефимыч выпил немного сока. – Так мне эта самая доброта потом боком вышла.

– Доброта всегда боком выходит.

– Это верно. Прислал он мне эту черную метку, а начальник охраны, дурак, взбаламутил всех и на уши поставил. Мину, значит, мне в авто впарили якобы. Он мне это с пеной у рта доказывал: дескать, безопасность прежде всего. Вот такие дела, Витя. А теперь... тоже глупость какая-то, черт побери. Да...

И он покрутил в руках листок бумаги, на котором мастерски, коготок к коготочку, подушечка к подушечке, шерстинка к шерстинке – была нарисована растопыренная, с агрессивными выпущенными когтями, кошачья лапа.

– На спину кто-то приляпал, – раздосадованно сказал Борис Ефимыч. – Да еще так аккуратно булавкой прицепил. Прямо на пиджак. Охраннички-то мои божатся, что, когда из дома выходил, не было у меня ничего. Да наверняка на спину не смотрели... здоррровые, сволочи, а толку?!

– Что, думаешь, опять сынок подиштил?

– А кто его знает? Только нервируют меня такие шутки, сам знаешь. – Борис Ефимыч отпил еще соку, а его собеседник Виктор решительно отодвинул бокал с красным вином и произнес:

– Ну что, мне пора. Володьку увидишь, передавай привет. Хотя Володька что-то в последнее время... ну да ладно. Не буду. Меня ждут.

– Где, в сауне? – улыбнулся Борис.

– А что такое, Борька? Ты стал противником водных процедур?

– По-моему, у тебя там процедуры не столько водные, сколько вводные. Ну... ты меня понял.

Виктор улыбнулся и поднялся из-за столика.

– Разве можно без женского полу? Как поет брателло в этой... в опере... «без женщин жить нельзя на свете, нет!» – довольно верно пропел он мягким, неплохо поставленным баритоном, и явно было, что фраза про «брателлу» была сказана не потому, что у Виктора не было иных языковых средств для выражения своих мыслей, а – из рисовки. Вроде бы как «новым русским», к завидному сословию которых он относился, так положено изъясняться.

Борис Ефимович улыбнулся и протянул руку:

– Ну, счастливо, Виктор Иванович. Удачи.

* * *

Виктор Иванович Семин, преуспевающий бизнесмен, был всецело доволен жизнью. Он был молод, богат и имел прекрасные жизненные перспективы. К тому же он полагал себя счастливым вдвойне, потому что не был связан семейными узами и мог пользоваться всеми возможностями, каковы бы то ни были свобода и деньги. В этом плане он совершенно не понимал своего старого друга, бывшего однокурсника и делового партнера Бориса Ефимовича Рейна, который рано женился, обзавелся детьми и теперь вел чудовищно однообразную жизнь примерно семьянина.

Куда ближе – на этой почве – Виктору Семину был другой его приятель по МГУ и тоже деловой партнер Володя Каллиник. Тот точно так же, как Рейн, был женат, но при этом не обременял себя утомительной верностью жене, бывшей фотомодели, и гулял на полную катушку, как Семин. Да та и сама была не прочь наставить рога благоверному, так что на измены мужа смотрела сквозь пальцы.

Семин уселся на заднее сиденье своего «Мерседеса» и сказал шоферу:

– Ну что, Данила... как обычно.

– Понятно, Виктор Иванович. Значит, двигаем в Петровскую сауну?

– Вот-вот. Ее сегодня наши ребята на весь вечер абонировали. На весь вечер – это, проще говоря, до утра. Так что звони своей мымре, Данила, и скажи, что у меня важная выездная встреча и что дома ночевать ты не будешь. Ясно?

И лукавая улыбка промелькнула на широком лице Семина, когда он, сказав эти слова, откинулся назад и удовлетворенно вздохнул.

Его взгляд переместился чуть вправо, и Виктор невольно вздрогнул, когда увидел...

– Данила, а это что такое?

– Вы о чем, Виктор Иванович?

– Да вот!

И Семин, протянув руку, сорвал с подголовника переднего сиденья маленькую белую бумажку. Она была прицеплена к кожаному чехлу сиденья маленькой булавкой.

– Вот это!

Шофер Данила снизил скорость и взял из рук босса бумажку. Глянул и недоуменно произнес:

– Это что за художества, Виктор Иванович?

– Художества – от слова «худо»! Откуда это в моей машине? Ты все время тут сидел?

– Да... хотя нет. Выходил. Но я, когда выходил, на сигнализацию ставил. Сами знаете, что сигнализация...

– Да знаю! – прервал его Семин и выхватил из руки шофера бумажку. – Не нравится мне это. Борису – на спину, мне – в машину. Нехорошие шутки.

Нет надобности говорить, что на бумажке был рисунок растопыренной кошачьей лапы. Коготок к коготочку, подушечка к подушечке, шерстинка к шерстинке.

* * *

Борис Ефимович Рейн посмотрел на часы, которые подарил ему его швейцарский партнер. Сам Борис Ефимович, хотя и был весьма состоятельным человеком, никогда не пошел бы на такое безумство – платить за часы пять тысяч долларов, когда есть более неотложные статьи расходов. Время. Да, пора уже и уходить из клуба.

Борису Ефимовичу даже не хотелось играть в бильярд, хотя он никогда не уходил из своей излюбленной «Пирамиды», не сгоняв партейку с проверенными партнерами и бывшими

однокурсниками – Витей Семиным, только что ушедшим, или Володей Каллиником, которого сегодня в «Пирамиде» не было.

Рейн отдернул портьеру и подозвал к себе телохранителя, которому он передал свой мобильный телефон, чтобы во время разговора с Семиным его никто не беспокоил.

– Жена не звонила? – быстро спросил он.

– Нет, Борис Ефимович. Звонил только ваш сын. Я сказал, что вы ему перезвоните.

Борис Ефимович поморщился, допил сок и сказал:

– Ладно. Пойдем отсюда. Только перед этим не помешало бы посетить WC.

– Что? – не понял охранник.

Борис Ефимович досадливо окинул взглядом мощную фигуру телохранителя, склонившуюся к нему, потому как Рейн был маленького роста, и сказал:

– Ты где учился, Леня?

– В вертолетном училище, – после паузы удивленно ответил тот. – А потом...

– Что потом, я знаю, – перебил его Рейн. – А вертолетное ты закончил?

– За-кончил, – выговорил охранник Леня, упорно не понимая причины такого интереса шефа к образованию своей охраны.

– Значит, – откомментировал Рейн, – что такое вертолет, тебе объяснили, а что такое «Дабл ю си», то бишь ватерклозет, – нет.

– А, – обрадовался охранник. – Понял. Так бы сразу и говорили, Борис Ефимыч.

Туалет с позолоченным мужским силуэтом на девственно-белой двери и изящной надписью «Gentleman» под ним ожидал банкира Рейна в конце ярко освещенного коридора, забранного ковровым покрытием от пола до потолка и начисто проглатывающего всяческие звуки. Борис Ефимович прошел по нему стремительными шагами, придерживая рукой разлетающиеся полы длинного пиджака.

За ним громадной неотлучной тенью следовал телохранитель.

Борис Ефимович прошел мимо светильников, коими щедро были увешаны стены, Леня едва не задел головой внушительных размеров вычурную люстру, блистающую хрусталем и позолотой, – и они оказались перед дверью туалета. Рейн хотел было войти туда, но Леня мягко придержал босса за плечо и сказал:

– Борис Ефимыч...

Тот досадливо тряхнул головой и затоптался на месте, показывая, что ему не до этих бодигардских перестраховочных штук, но Леня вежливо, но твердо добавил:

– Борис Ефимыч, Елена Константиновна меня тотчас же уволит, если узнает, что я не...

– Да иди, осматривай сортир на предмет обнаружения чеченских террористов, пластиковой взрывчатки и восемнадцати озлобленных киллеров! – раздраженно буркнул Рейн, по всей видимости, переживавший не самые лучшие ощущения в своей жизни.

Леня тотчас же потянул на себя дверь «Gentleman» и исчез за ней. Борис Ефимыч переступил с одной ноги на другую, несколько раз дернул коленом, а потом, очевидно, не зная, куда девать позжиравшее его напряжение – да еще по такому смехотворному и оскорбительному для крупного банковского деятеля поводу! – вынул из кармана бумажку с рисунком кошачьей лапы.

Нет. Это не сын. Сын так не нарисует. Это профессиональный художник делал, не иначе. На лапе выписан каждый штрих, каждая деталь. Что бы это могло значить? Чья-то глупая шутка?

Тогда, надо признать, шутил человек очень ловкий, если он сумел прицепить эту бумажку на спину Бориса Ефимовича, невзирая на то что вокруг торчали телохранители. В том числе и этот болван Леня.

Ну что он там так долго?

И вся эта катавасия – из-за жены: она каждый день читает нотации телохранителям, как лучшие и основательнее охранять ее бесценного муженька. Бесценного... да уж конечно, не самого дешевого. Все-таки банкир... управляющий крупным и надежным банком... банком... а-а-а-а, да где же он там?!

Скорбные размышления несчастного Бориса Ефимовича прервал долгожданный Ленья. Он высунулся из-за двери и сказал:

– Все нормально, шеф.

– Дармоеды... – простонал банкир и быстрыми семенящими шагами ворвался в туалет. Влетел в близкую ко входу кабинку и, выронив из скрюченных пальцев скомканную бумажку с нарисованной кошачьей лапой, начал лихорадочно растегивать «молнию».

Неправду говорят, что самое большое удовольствие – это оргазм или кокаиновый кайф. Самое большое удовольствие – это вот так попрыгать перед дверью туалета на полусогнутых, а потом ворваться в кабинку и далее – действовать по известному всем правилу.

Борис Ефимович полуприкрыл глаза и, застегнув «молнию» на брюках, вздохнул. Вот теперь можно и домой. Он опустил глаза и увидел валяющуюся на кафельном полу бумажку. Она была скомкана, и потому нарисованная лапа съезжилась и почему-то приобрела угрожающий вид.

Рейн ухмыльнулся и поддел ее туфлей.

Шутнички.

В тот же самый момент над ухом Бориса Ефимовича что-то глухо ударило, он нервно дернулся – и тотчас же почувствовал, как чьи-то мощные жесткие пальцы ухватили его за горло.

Борис Ефимович выпучил глаза, захрипел и метнул мутнеющий взгляд туда, откуда выпростались эти пальцы и...

Он увидел белую пластиковую переборку, отделяющую одну кабинку от другой. Переборка была пробита, и из пробоя торчала чья-то голая рука, перевитая выпуклыми напряженными мускулами. Пальцы этой руки держали банкира Рейна за горло, и Борису Ефимовичу хватило двух секунд, чтобы понять, что это – конец и никто его не спасет.

Рейн вцепился было слабеющей рукой в запястье своего убийцы и попытался надавить пальцами на болевую точку, которую ему показывал недавно Ленья... но ему почудилось, что он сжимает пальцами камень.

А потом ватная тишина и покой впорхнули в светлеющую голову Бориса Ефимовича, и он уже не ощущал, как его ноги скользнули по кафелю и он мягко сполз по пробитой переборке на пол. Его перекошенные губы посинели, дернулись последний раз – и замерли.

Закатились стекленеющие глаза...

Ленья стоял в двух метрах и слышал, как сначала что-то грохнуло – очевидно, Борис Ефимыч так спешил справить нужду, что угодил локтем в пластиковую переборку, – а потом послышалось сопение, нисходящее на нет. Ленья ухмыльнулся: это еще ничего. Вот его прежний хозяин, авторитет Маметкул, страдавший запорами, – вот у того было звуковое сопровождение покруче!

Однако Борис Ефимыч что-то не спешил выходить. Ленья кашлянул, потом начал переминаясь с ноги на ногу. Зазвонил мобильник.

– Я слушаю, – сказал телохранитель.

– Леонид, – послышался визгливый голос Елены Константиновны, почтенной супруги Бориса Ефимовича, – где там твой босс? Почему он до сих пор не дома? Марта давно уже приготовила ужин, только Бориса Ефимыча и ждем.

– Сейчас, – сказал Ленья и, потеряв терпение, распахнул дверь кабинки, – сейчас, Елена Кон...

– Леонид, почему вы молчите? Где Борис Ефимыч? Леонид, это безобразие! Я вас уволю, Леонид! Лео...

Леонид стоял с отвисшей челюстью. Мобильник вывалился из разжавшихся пальцев и упал на пол.

Борис Ефимович Рейн лежал на полу. Одна его рука растопыренными пальцами упиралась в пластиковую переборку, словно желая процарапать ее, вторая была откинута в сторону и обнимала унитаз, как родное и близкое существо. Ноги были поджаты под себя, лицо...

Вот лица Бориса Ефимовича телохранитель Леня рассмотреть не успел. Потому что он услышал за спиной еле уловимое движение, хотел было повернуться, рука привычно скользнула по боку, ища пистолет, – в этот момент Леня совсем забыл, что все оружие сдается при входе в клуб, и правило это обязательно для всех, – но ничего более Леонид сделать не успел.

Страшный удар в голову заставил перевернуться белоснежный потолок, кафельные стены метнулись перед глазами Леонида, а потом в лицо одним прыжком, как хищная кошка, бросился пол, остро и холодно вонзился в лоб, в нос, в надбровные дуги. Стало очень больно, но боль тут же забила куда-то далеко – в самый тихий и незаметный уголок обрушившейся на Леонида сверху тьмы.

И он уже не слышал, как заработал кран, выливая теплую воду на руки, только что легко и непринужденно лишившие жизни двоих человек. Убийца вымыл руки, а потом в пространство туалета скользнул мелодичный смешок и тихий голос произнес:

– Наверно, вот это и называется – мочить в сортире...

* * *

Виктор Иванович Семин очень удачно провел время. Надо сказать, что он и раньше не жаловался на недостаток досуга, но сегодня ему понравилось особенно: его парни подтянули отличных девочек, которые никого не утомляли кокетством и отказами, а делали все, что от них требовалось. Виктор Иванович в очередной раз с сожалением припомнил Рейна, который сам себе портил жизнь, завязнув в «вечных семейных ценностях».

Какие такие вечные ценности? Стерва-жена, пилящая Борьку вне зависимости от того, есть ли у нее для того основания или нет? Два сопляка-сына, которые окончательно избаловались и отбили от рук? Или, быть может, Рейн не такой уж тюфяк, раз завел горничную Марту, сдобную хохлушку польского происхождения? Да нет... вряд ли. Такой удачливый, рискованный и смелый в финансовых делах, Борис Ефимыч всегда был возмутительным рохлей, болваном и лохом в плане женщин. Еще с университета. Нашел себе одну клушу, женился на ней – и доволен.

Впрочем, каждому свое...

Виктор оттолкнул от себя голую девицу, которая, кажется, окончательно возомнила, что его, Семина, мужское достоинство – это карамелька и ее можно держать во рту сколь угодно долго. Начал одеваться. Из брюк вывалилась та самая бумажка с кошачьей лапой.

Семин поморщился, но подобрал ее и снова положил в карман. Он сам не знал, что заставляло его не выкидывать этот рисунок. Он уже говорил по этому поводу со своим другом Владимиром Каллиником, делился тревогами, которые, как утверждал Владимир, выстроены на пустом месте. Ерунда. Дескать, все это – чей-то дурацкий розыгрыш. Розыгрыш... Не знаю, не знаю, думал Семин. Неизвестно, что сказал бы Каллиник, если бы ему самому прислали эту лапу, от которой – хотя Семин и не был особо чувствительным человеком – мороз драл по коже.

Каллиник... да что он об этом? Каллиник в последнее время снова связался с этим своим... родственничком. Не успел Рейн с ним развязаться, как Володя Каллиник родственничка опять взял в оборот. Нехорошо это.

«Но хватит о грустном, – подумал Семин. – Пора ехать домой. Три часа утра все-таки». Через десять минут Виктор Иванович уже садился в свою машину. Шофер Данила и личный телохранитель Семина смерили красноречивыми взглядами массивную фигуру шефа и переглянулись: судя по масляному блеску в их глазах, им тоже перепало от щедрот Семина.

Вопреки ожиданию его людей, он был мрачен, и это оказалось явным сюрпризом для Данилы и телохранителя Николая.

– Ну что, поехали! – прикрикнул он на Данилу, а потом, засунув руки в карманы брюк, уставился прямо перед собой неподвижным взглядом. – Включи что-нибудь послушать, чтобы тишина не висела, как топор, – добавил он. – Только не музыку.

Данила включил радио. Шли какие-то сводки новостей, сообщали курс доллара, погоду, результаты матчей чемпионата России по футболу, которые и без того были прекрасно известны всем присутствующим в салоне «Мерседеса». Потом началась криминальная хроника. Журный бас снисходительно вещал:

«Как мы уже сообщали, вчера вечером в клубе «Пирамида» был найден мертвым известный бизнесмен, управляющий «Торо-банком» Борис Рейн...»

Челюсть Семина медленно отпала.

«...по предварительным данным, смерть наступила от асфиксии, то есть удушения. Был также убит телохранитель Рейна Леонид Кораблев...»

Виктор Иванович выругался и ударил кулаком по дверце машины так, что на той образовалась заметная вмятина. На разбитом суставе Семина выступила кровь, но он, казалось, этого и не заметил.

«...версия о заказном убийстве не отвергается. Более того, это основная гипотеза, которая...»

– Выруби! – заорал Семин и снова ударил кулаком по двери. На этот раз на ней остался кровавый след. – Выруби, мать твою!

Данила испуганно выключил радио и довольно резко повернул направо – к арке, за которой находился дом Виктора Ивановича.

Но до арки машина Семина не доехала.

По встречной полосе на приличной скорости мчалась вишневая «девятка». Казалось бы, она мало чем отличалась от обычной машины, но это была только видимость: придерживаясь за открытую дверцу рукой, параллельно «девятке» ехал человек на скейте.

Судя по тому, что он проделывал такой жуткий трюк и мчался с большой скоростью, он в совершенстве владел своим телом и чувствовал роликовую доску, как если бы она была естественным продолжением его тела.

Примерно в пятидесяти-шестидесяти метрах от семинского «Мерседеса» «девятка» начала снижать скорость. Данила, который был шокирован известием о гибели Рейна и тем впечатлением, какое произвело это известие на Виктора Ивановича, широко раскрыл глаза и выговорил:

– Ты глянь, что вытворяет!

«Девятка» не доехала до «мерса» метров тридцати; она повернула в сторону, противоположную арке, в которую собирался ехать Данила, и скейтбордист, отпустив дверцу машины, вылетел на полосу движения как камень, выпущенный из пращи.

Сидящие в салоне «Мерседеса» и глазом моргнуть не успели, как человек на роликовой доске поравнялся с ними и в его руках сверкнуло что-то металлическое.

В следующую секунду длинная очередь прошила навывлет салон семинской машины. Виктор Иванович гортанно вскрикнул, когда несколько пуль угодили ему в плечо и шею, но потом сразу две пули попали в голову, и Семина отшвырнуло к левой дверце.

Он ударился затылком о прошитое пулями стекло и сполз вниз.

Завизжали тормоза: это Данила, раненный в руку и в бок, пытался остановить машину. Ему это почти удалось, но как раз в этот момент убийца, описав круг радиусом никак не менее полусотни метров, оказался со стороны водителя и дал еще одну очередь.

«Мерседес» завизжал лакированным боком по бордюру и плавно въехал в стену дома, отклонившись от арки на какие-то полтора метра.

1

Утро выдалось откровенно неудачным.

Отсчет несчастьям следует вести от того момента, как пес Счастливчик, неизвестно зачем заведенный столь же счастливой, как имя четвероногого отродья, семейной парой Родион – Валентина, съел только что купленную мной губную помаду и тушь – между прочим, дорожную!

При этом у подлой хвостатой твари не появилось даже и намека на расстройство желудка, он только облизывался, а потом стянул со стола у Родиона Потапыча огромную отбивную, молниеносно сожрал ее и отполз в угол, где и мирно уснул.

При этом гадкий пес отвратительно храпел и повизгивал во сне.

Надо сказать, что восполнить утрату было нечем: жена Родиона – Валентина – вместе с сыном уехала гостить к подруге, а так как она исполняла в офисе, он же ПМЖ – постоянное место жительства, – обязанности поварихи, то с трудоемкими блюдами была напряженка.

Трагическая судьба вышеозначенной отбивной подвигла босса на рефлексии и философские метания. Причем последние следует понимать буквально: Родион Потапович метался по своему кабинету из угла в угол и философствовал следующим замечательным образом:

– По-моему, мне не следовало идти на поводу у Валентины и заводить пса. Кажется, у этого Счастливчика не совсем ровный характер, и... гм... соответственно его хозяина счастливчиком никак не назовешь. И еще он растерзал любимого плюшевого медведя моего сына, из чего следует, что у него аллергия не только на живых котов, но и на разнородную териоморфную бутафорию... на рукотворные имитации живых существ, так сказать.

– Чего-чего, босс? – недоуменно переспросила я. – Терио... как?

– Териоморфный, – отозвался Родион Потапович, – что означает «звероподобный». Точно так же, как «антропоморфный» означает – «человекоподобный».

– На этого пса глядячи, сам станешь этим самым «териоморфным», – сказала я. – И вот еще что, босс: по-моему, этому другу человека по кличке Счастливчик не нравится имя вашего сына.

– Что-что? – тут же встрепенулся Родион.

– Я говорю, что ему не нравится имя вашего сына.

В чем нет ничего удивительного, добавила про себя я. Это надо же назвать ребенка таким замечательным именем: Потап! То, что покойного родителя моего босса Родиона Потаповича звали Потапом Андреевичем, – это еще ничего не значит. Раньше вообще были очень распространены чудовищные имена: Агафон, Дормидонт, Федора, Прокоп и так далее. Но мода прошлых времен – это не повод, чтобы приляпать ребенку, родившемуся в третьем тысячелетии, имечко, с которым ни тебе с девушкой познакомиться, ни в институт поступить, ни – боже упаси! – жениться.

Конечно, до всего этого крошке Потапу еще далеко, но я уже сейчас призывала счастливых родителей – Родиона, моего босса, и Валентину, мою подругу, – одуматься и сходить в загс. Подать там заявление на переименование, а потом назвать первенца как-нибудь поблагозвучнее, можно даже на ту же букву алфавита: Павел, например. Или Петр.

А пока даже мерзкий пес Счастливчик при имени «Потап» начинает скалить зубы и тут же просится гулять.

– Значит, ему не нравится имя моего Тапика? – соображал Родион. – Странно.

И он сделал глоток коньяка из посеребренной фляги, кстати, превосходного, к которому в последнее время пристрастился, мотивируя это тем, что коньяк хорошо воздействует на его нервную систему.

Конечно, все это чистой воды отговорки, особенно с тех пор, как Родион Потапыч, да и все наше детективное агентство «Частный сыск» сидело без заказов, и босс получил уникальную возможность не тратить времени на какую-то там глупую работу и всецело сосредоточиться на сыне.

Впрочем, уже через неделю после того, как последний клиент вышел из нашего офиса, счастливый от того, что все его проблемы разрешились наилучшим образом, – уже через неделю Родион Потапович начал нервничать. И вот тут коньяк оказался весьма кстати: он хоть как-то помогал убивать время. Родион сидел за своим столом, прихлебывал из фляги, и даже сведение баланса – в нашу пользу, и со значительным дебетом! – не утешало его.

Выражение его лица и состояние его всклокоченной шевелюры, в которой он постоянно шарил обеими пятернями, можно было охарактеризовать словами величайшего представителя нашей профессии, мистера Шерлока Холмса: «Мой мозг бунтует против безделья. Дайте мне дело! Дайте мне сложнейшую проблему, неразрешимую задачу, запутаннейший случай – и я забуду про искусственные стимуляторы. Я ненавижу унылое, однообразное течение жизни. Ум мой требует напряженной деятельности...»

Хорошо еще, что в статусе вышеупомянутого «искусственного стимулятора» жизнедеятельности у Родиона Потапыча выступал коньяк в его заветной фляге. А не семипроцентный кокаин внутривенно, как у высокочтимого мистера Холмса. Да-да! Кто не верит, что Шерлок Холмс развеивал скуку такими актуальными, модными и современными методами, может заглянуть в начало повести Конан Дойла «Знак четырех».

Вероятно, от скуки Родион и завел Счастливого, который стал еще одной причиной наших с боссом разногласий.

Но съеденная косметика, упомянутые философские метания босса, изрядно тянувшие на болезненный бред, пес Счастливчик и просто плохая погода – это были далеко не все неприятности сегодняшнего утра.

Главная неприятность еще таилась где-то за горизонтом, чтобы в самый неподходящий момент – когда я уже собралась пойти в кафе позавтракать по-человечески – проявиться во всей своей красе.

* * *

Едва я взяла сумочку и открыла было рот, чтобы сказать боссу, что ухожу завтракать, как в этот самый момент во входную дверь кто-то позвонил, и Родион Потапыч ожесточенно потер ладони, глядя на монитор видеофона.

Я тяжело вздохнула и, положив сумочку на стол, взглянула туда же.

На экране маячила подозрительная физиономия, и она была тем более подозрительна, что принадлежала старушке. Старушка озиралась по сторонам, очевидно, отслеживая все мыслимые и немыслимые «хвосты», которые могли увязаться за столь важной персоной, как она.

– Клиент, – иронично сказала я. – Хотя, быть может, она перепутала наш офис с собесом, а, Родион Потапыч?

Тот нетерпеливо тряхнул головой.

– Ну хорошо, хорошо, – отозвалась я в ответ на его безмолвное распоряжение, – сейчас мы ее впустим.

Через минуту потенциальная клиентка уже входила в офис. Впрочем, нельзя сказать, что я заблуждалась на ее счет: чтобы позволить себе услуги нашего агентства, прямо скажем, не самого плохого и, соответственно, не самого дешевого в столице, нужно выглядеть как-то иначе, чем престарелой серой крыской в сером же демисезонном пальто, хотя на улице было довольно тепло, и стоптанных сапогах с разошедшейся «молнией». Все это могло бы вызвать только сочувствие к незавидной доле и соответственно – незавидному гардеробу пенсионеров

в нашей стране, если бы посетительница не оглядывалась с таким нахальным и агрессивным видом, как будто она представляла по меньшей мере прокуратуру, призванную опечатать наше несчастное агентство.

– Доброе утро. Чем могу служить? – тем не менее вежливо спросила я.

Старушка зыркнула на меня подозрительными бесцветными глазками, потом вздернула верхнюю губу, над которой топорщились неаккуратные гитлеровские усики, и проговорила неожиданно басом:

– Вы в самом деле те, за кого себя выдаете?

Я недоуменно переглянулась с Родионом и произнесла:

– Простите, а вам кто, собственно, нужен?

Почтенная дама с видом, с каковым, вероятно, сталинский генпрокурор Андрей Януарьевич Вышинский смотрел на врагов народа, поглядела на тисненную золотом металлическую табличку «Детектив Родион» на двери кабинета моего шефа – и, потеряв морщинистой рукой усики, сказала:

– Мне нужен детектив Родион. Вот как на этой табличке. Но почему вас двое и где этот детектив Родион? Кроме того, я не понимаю, почему так коротко?

– Что – коротко? – пролепетала я, сраженная наповал этим потоком красноречия.

– Коротко – я имею в виду то, что не стоит солидному человеку именоваться только по имени, как какому-нибудь эстраднему попрыгунчику. Данко там какое-то, Оскар... Шура еще. Я на них на всех собираю сведения, чтобы, когда придет время, всех...

– Простите, – перебила я старуху, проявившую удивительные познания касательно персонаний поп-эстрады, – вы, кажется, немного ошиблись дверью и временем. С такой речью вам нужно было прийти на Лубянку лет этак тридцать назад. А лучше – шестьдесят четыре.

– А то что ж, – ничуть не смутившись моей отповедью, сказала она и так бухнулась своим толстым задом на диван для посетителей, что тот заскрипел и взвизгнул, благо что выдерживал весьма приличную нагрузку и однажды устоял под весом авторитета Гиви Самосвала и четырех его телохранителей, каждый из которых своим весом мог обеспечить годовое сытое существование многодетной семье каннибалов. – А то что ж, – повторила старушка, – и пошла бы. Да у меня там, если хотите, Виктор Кузьмич работал. На Лубянке. Да.

– Кто, простите? – машинально спросил Родион Потапович и растерянно взглянул на меня.

– Виктор Кузьмич, – укоризненно повторила старушка и, словно сгуя на такую тотальную непонятливость Родиона, добавила: – Мой покойный муж. Он в НКВД работал. Если бы он был жив, так я к вам бы не обратилась. Он сам бы все разрешил. Он всегда все сам...

– Очень рад за вашего покойного мужа, – сказал Родион, не улавливая в своих словах оскорбительного каламбура. – Вы представьтесь и изложите, по какому вопросу вам понадобились услуги нашего агентства.

– Меня зовут Екатерина Измайловна Адамова, – важно заявила та. – А вот как зовут вас? Я же не могу называть вас просто по имени. Ведь, я так понимаю, вы и есть детектив Родион, да?

– Да, – сказал босс. – Моя фамилия Шульгин. Родион Потапович Шульгин. Я директор этого детективного агентства. Это моя секретарша и первый заместитель Мария. Мария Андреевна Якимова, – поспешно уточнил он. – Слушаем вас, Екатерина Измайловна.

Старуха подозрительно посмотрела на меня, но степень этой самой многократно упомянутой подозрительности несколько уменьшилась; она пожевала губами и произнесла:

– Вообще-то я вас хорошо знаю. Мне рассказывала Марина Борисовна, которая работает у вас внештатным сотрудником. Она говорила, что вы помогли ей решить очень серьезную проблему... эту, про заброшенную дачу, в которой варили наркотики. Я проанализировала это дело и пришла к выводу, что вы действовали правильно.

Ну не бабка, а мисс Марпл! Да еще вдова сотрудника НКВД.

Что же касается упомянутой Марины Борисовны, то это была одна из наших внештатных... нет, даже не сотрудниц, а осведомителей, которые зачастую лучше профессиональных сыщиков вели слежку. Тем более что, несмотря на многочисленные жалобы на здоровье, пенсионеры куда энергичнее представителей молодого поколения.

Родион учитывал качества пенсионеров и время от времени прибегал к их услугам. Как говорил он, две старушки-пенсионерки, которым пообещали прибавку к пенсии, стоят чемпиона мира по кикбоксингу в тяжелом весе.

Тем временем Екатерина Измайловна поерзала на диване, метнула в Родиона прицельный, как молния Перуна, взгляд и заговорила – сразу перешла к сущности проблемы:

– У меня есть очень серьезные основания полагать, что моя внучка Лилия имеет какое-то отношение к убийству банкира Бориса Рейна и бизнесмена Виктора Семина. Я думаю, вы слышали об этом? – добавила она после нескольких секунд молчания в тишине, установившейся непосредственно после ее заявления.

Я недоуменно взглянула на Родиона Потаповича и выговорила:

– Бориса Рейна? Управляющего «Торо-банком»? Это тот, что был задушен в мужском туалете клуба «Пирамида»?

– Вот именно, – сказала старуха.

– А Виктор Семин – это депутат Государственной думы, владелец сети автосалонов, который был расстрелян из автомата у собственного дома вместе со своими охранником и шофером?

– Вот-вот.

– И вы говорите, что ваша внучка имеет какое-то отношение к этим, без сомнения, заказным убийствам? – Я вновь взглянула на босса.

Тот поправил на переносице очки и спросил:

– Екатерина Измайловна, простите... а кто, собственно, ваша внучка?

– Моя внучка, Лилия Адамова, мастер спорта по альпинизму и кандидат в мастера спорта по художественной гимнастике, в данный момент работает фитнес-инструктором в частном спорткомплексе «Черномор», – отчеканила старушка.

– А на каком же основании, позвольте вас спросить, Екатерина Измайловна, вы заподозрили собственную внучку в таком чудовищном деянии? – проговорил босс.

Старушка оглянулась по сторонам, а потом спросила:

– Я так полагаю, со звукоизоляцией у вас все в порядке? Нас никто не подслушает?

Я уже устала удивляться нашей эксцентричной посетительнице. А потому ответила просто:

– Да, разумеется.

– Надеюсь, что все мною сказанное останется между нами, – свирепо добавила Екатерина Измайловна. – Потому как дело важное и очень личное.

– Каждому из наших клиентов гарантируется абсолютная конфиденциальность, – сказал Родион Потапыч.

По всей видимости, первоначальное околостолбнячное состояние, потом перешедшее в недоумение, теперь сменилось заинтересованностью, босса забавляла наша странная клиентка.

– Это хорошо, – произнесла Адамова. – Я следила за расследованием по делу Рейна и по делу Семина и должна сказать, что следственная работа поставлена безобразно. Вот если бы был жив мой муж, Виктор Кузьмич, и если бы ему были поручены эти дела, то он повел бы их совершенно иначе.

– Если вы так категорично утверждаете, значит, у вас есть возможность доступа к следственным документам? – доброжелательно осведомился Родион.

– Нет, но ничто не мешает мне делать собственные выводы. Так, например, по телевизору сообщили интересную особенность, общую для этих двух убийств.

– Какую же?

– А то, что и при Рейне, и при Семине нашли два одинаковых рисунка. Рисунка кошачьей лапы.

– Да, я знаю, – сказал Родион.

– Так вот, для комплекта им недостает вот этого рисунка, – сказала Екатерина Измайловна и выложила на стол босса лист бумаги.

Это была, очевидно, ксерокопия, но чрезвычайно качественная. Изображение растопыренной кошачьей лапы.

При виде этой лапы я почувствовала, как промозглый холодок пробежал по моей спине и вызвал мгновенную мелкую дрожь – приступами, как кашель или чиханье.

– Точно такие же рисунки были обнаружены возле задушенного банкира Рейна и в брюках расстрелянного в собственном «Мерседесе» Семина, – сказала Екатерина Измайловна и снова потерла усики.

– А где вы обнаружили это?

– В столе у моей внучки. Я время от времени просматриваю ее личные вещи, несмотря на то что она запирает от меня стол, секретер и шкаф. Но это, разумеется, не проблема, – бодро заключила старуха.

Я невольно содрогнулась. Не завидую я этой внучке, раз у нее такая оперативно-следственная бабушка, да еще вдова энкавэдэшника.

– И вот не далее как вчера я увидела этот рисунок. По всей видимости, он представляет собой точную копию тех, что нашли у Семина и Рейна, – воодушевившись, продолжала свирепая старуха. – Я немедленно сделала ксерокопию этого рисунка, а потом подумала, что за Лилией надо последить, и поставила «жучок» на телефон, который стоит в ее комнате. Там у нас блокиратор, и я не могу слышать, о чем она говорит, – пояснила Екатерина Измайловна.

Я содрогнулась вторично, а Родион воскликнул:

– О господи... а «жучок»-то у вас откуда?

– Позаимствовала у Марины Борисовны, – сказала мисс Марпл московского разлива. – А она получила его от вас, когда ей нужно было прослушивать какого-то...

– Понятно, – произнес Родион Потапович, пристально рассматривая ксерокопию. – А вот здесь что за завиток? Вот этот, над коготочком. Там так и было, или это вы карандашом задели и черточку поставили?

– Никаких черточек! Вы меня что, за идиотку считаете?

– Все понятно, – констатировал Родион, и осталось невыясненным, что именно ему понятно: то ли то, что на оригинале рисунка была точно такая же неаккуратная черточка, или же то, что говорилось об идиотизме нашей долгожданной посетительницы.

– Да ничего вам не понятно! – фыркнула старуха. – Вы еще не знаете, что я услышала.

– И что же вы услышали, Екатерина Измайловна?

– А то, что говорила она с каким-то Лешей. Сказала ему, что сегодня вечером она идет в ресторан «Клеопатра» и будет ждать его там. Вам это ничего не говорит, Роман Прокопович?

– Родион Потапович. Если честно, то ничего.

Старушка скептически хмыкнула, и в ее глазах, острых и светлых, появилось презрительное выражение. Дескать, тоже мне сыщики, ничего толком понять не могут, все им преподноси да разжевывай!

– А вы знаете, кому принадлежит ресторан «Клеопатра»? Нет, не знаете? А принадлежит он некоему Владимиру Андреичу Каллинику, который являлся деловым партнером и старым другом и Рейна, и Семина. А также бандитом и дармоедом. Вот такие дела, Родион Борисович.

– Потапович, – снова поправил босс. – Но тем не менее я не понимаю, что именно вы инкриминируете вашей внучке? То, что у нее в столе лежит рисунок кошачьей лапы, похожий на тот, что нашли у Рейна и Семина? Вы знаете, у меня в детстве мама нашла нарисованную на бумажке фашистскую свастику. Я тогда читал энциклопедию про мировые религии. Меня выпороли, и мне пришлось долго объяснять, что свастика – это один из религиозных знаков древнеиндийского культа. Выпороть-то выпороли, но мама не стала же обвинять меня в фашизме!

Старуха свирепо шмыгнула носом, встала с дивана и сказала с выражением оскорбленной в лучших чувствах британской леди:

– Мне кажется, вы мне не верите, товарищ Шульгин. – Как фамилию-то с первого раза запомнила? – Ну и прекрасно! Я и так вижу, что мне стоит самой провести расследование! Вы, наверно, еще и денег бы с меня потребовали за свою работу, да?

Вот тут Родиона прорвало. Он захохотал. Я едва удержалась от того, чтобы присоединиться к нему, и пояснила набычившейся старухе:

– Конечно, Екатерина Измайловна. Берем деньги. Что тут странного, если за работу мы берем деньги?

– Вот мой покойный муж, Виктор Кузьмич... он вас всех вывел бы на чистую воду! – воскликнула та. – Распустились совсем, дармоеды!

Все последующее воспроизводить не стану. Скажу лишь, что если первые две фразы прозвучали забавно, то все остальное было откровенно утомительным. Старушка пообещала натравить на нас налоговую инспекцию, санэпидстанцию, пожарную службу и еще какого-то отставного майора Дениса Прокофьевича.

К счастью, от воплей старой стервы проснулся Счастливчик и, услышав, что кто-то может гавкать, брехать и выть не хуже его, набросился на опасную конкурентку с бешеным лаем, норовя укусить за ногу.

Мегера осыпала нас и собаку финальной бранью и хлопнула дверью.

2

Я бросилась перед Счастливымчиком на колени и поцеловала шарпея в морщинистую морду.

Тот перестал лаять, завилял хвостом и лизнул в лицо так, что размазал макияж. Но я не способна была обидеться на него в такой момент.

– Ну хоть чем-то пригодился! – воскликнула я. – А то я уж думала, неотложку нужно вызывать. Молодец, песик, выгнал эту старую гримзу!

Родион поскреб в затылке, а потом произнес:

– Если поразмыслить, то старушка, быть может, в чем-то и права. Хотя манера изложения своей информации у нее, откровенно говоря, не очень...

– А что ж вы хотите, босс, – вставила я, – муж-то в НКВД работал.

Босс прошелся по кабинету и сказал:

– А рисуночек-то в самом деле интересный. Сама знаешь, Мария, какая у меня зрительная память. Так вот, он в самом деле соответствует тем рисункам, что нашли у Рейна и Семина, до мельчайших подробностей. Конечно, для полного документального сличения не мешало бы затребовать копии тех рисунков, но мне кажется, что я и так с уверенностью могу сказать: оно.

Я тут же остыла. Значит, босс вовсе не принял слова старухи за болезненный бред маниакально подозрительной персоны? Или он так хочет поработать, что может взяться за что угодно, даже бесплатно? Ведь от злобной бабки не следует ожидать денег.

– Дело в том, что я знаком с этой Лилией Адамовой, внучкой такой боевой бабушки, – продолжал Родион. – Та действительно работает фитнес-инструктором в «Черноморе» и является мастером спорта по альпинизму и кандидатом в мастера по «художке». Разноплановые виды спорта, не правда ли?

Я оттолкнула Счастливымчика, который что-то уж слишком усердно взялся вылизывать мою туфлю, и спросила:

– Значит, вы не исключаете, что сказанное этой полоумной старухой может быть правдой?

– А кто его знает, – отозвался Родион. – Единственное, что я могу добавить к словам бабушки о своей внучке, так это то, что Лиля, бесспорно, любит общество богатых мужчин и часто проводит с ними время. Так что ее вечернее посещение «Клеопатры» еще ничего не значит. Даже несмотря на то, что ресторан принадлежит Каллинику.

– Ну ладно, – сказала я, – я все-таки, с вашего позволения, пойду завтракать в кафе.

– Да, конечно. Вот что, Мария, – вдруг остановил меня Родион Потапович на самом пороге, – а касательно ужина у вас есть какие-то планы?

Я улыбнулась и тоном, не лишенным известной доли ехидства, проговорила:

– Что, Родион Потапович, не успела законная супруга уехать на некоторое время, вы уже интересуетесь расписанием дня других женщин?

Босс пожал плечами и сказал:

– Тогда я хочу пригласить тебя на ужин в ресторан. Жрать-то надо. Можешь расценивать это как рабочую вылазку. Тем более что ужинать мы будем в ресторане «Клеопатра».

* * *

Когда я, плотно позавтракав и даже выпив немного мартини, вернулась в офис, я застала здесь вторую старушку. Эта выглядела куда менее свирепо, нежели ее предшественница, и, главное, я ее знала: это была Марина Борисовна, пенсионерка, одна из внештатных сотруд-

ниц нашего агентства. Раньше она работала в прокуратуре, сначала следователем, потом, по выслуге лет и отправке на пенсию, уборщицей. А затем, когда нашла более приемлемый способ приработка к пенсии, то есть выполнение тех или иных заданий Родиона – преимущественно собирание сведений по инстанциям, она окончательно рассталась и с прокуратурой, и с тряпкой с ведром.

– Я же не знала, Родион Потапович, что она прямо от меня пойдет к вам, – говорила она, виновато потупив глаза. – Она вообще какая-то не того... недавно на соседа Гришку из двадцать первой квартиры заявление накатала. Гришка в квартире не живет, он у брата в основном кантуется, так он сдал свою квартиру двум ребятам-студентам. А эта гримза тут же пошла с заявлением: дескать, нарушение паспортно-визового режима.

– А что там за жуткая история с внучкой? – спросил Родион.

– Да что с внучкой! Внучка ее – великомученица, как она эту старуху терпит – непонятно. Живет только потому, что нельзя Измайловну одну оставлять: старая, мало ли что... Да и квартира, не дай бог, пропадет. Вот и мается Лиля.

Марина Борисовна наклонилась к Родиону поближе и, таинственно понизив голос, проговорила:

– Я боюсь ее, Измайловну-то. Она немного не в себе... и, говорят, запросто сглаз навести может. А что? Это уже научно доказано – бывает и сглаз, и порча.

Бывшая работница прокуратуры всегда хотела выглядеть современно.

– А что Лиля с богатыми мужиками водится – видела я, как за ней подкатывали на «мерсах», – так это ж разве плохо? Вон у моей подруги, Аньки Кавардаевой, внучка вышла замуж за болвана, голь перекатную, да еще двух детей родила непонятно зачем – так теперь одни расстройства. Причем все больше кишечные, – непонятно к чему добавила пенсионерка. – У Аньки вся пенсия на одни памперсы уходит, а куда деваться? Болван тот, внучкин муж, не работает, сократили его, внучка с младшеньким сидит в декрете. Вот и говори после этого, что с богатыми зазорно!..

Родион с умным видом покачал головой, а потом проговорил:

– Ну а «жучок»-то вы ей зачем дали, Марина Борисовна?

– Что? Ах это... Да куда ж мне деваться, когда она своими глазищами как уставилась – хлоп-хлоп. Говорит, есть у тебя такая штучка. Подавай.

– М-да, – скептически произнесла я.

Пенсионерка взглянула на меня, поднялась с дивана и поспешила откланяться.

* * *

Ресторан «Клеопатра» находился недалеко от нас.

Это заведение, в свое время бывшее заурядной точкой общепита под удручающе скучной вывеской «Столовая», а теперь переделанное согласно веяниям нового времени, было отнюдь не самым дешевым.

Но тот факт, что наше агентство уже больше недели сидело без работы, не могло расстроить относительного финансового благополучия. Посидеть в заведении господина Каллиника мы пока вполне могли себе позволить.

Откровенно говоря, я не до конца поняла, зачем боссу, собственно, понадобилось туда идти: то ли для того, чтобы разнообразить свою жизнь, то ли потому, что он усмотрел в рассказе свирепой старухи какое-то рациональное зерно и теперь ожидал, что в «Клеопатре» может произойти что-то наподобие трагического происшествия в клубе «Пирамида» или расстрела у дома бизнесмена Семина.

А может, он просто воспользовался отсутствием своей жены и решил выбраться со мной в свет. Ведь, если отбросить ложную скромность, я куда красивее Валентины, и ему приятно

видеть в моем лице не только компаньона и сотрудницу его агентства, но и просто очаровательную женщину.

Родиона Потаповича даже не смущало то, что я никогда не воспринимала его как мужчину.

В этом плане я предпочитала иной тип представителей так называемого сильного пола: высоких, аккуратно выбритых и причесанных и с хорошими манерами.

А Родион – Родиона я едва заставила причесаться и побриться. Босс, будучи не особо высоким, к тому же довольно тощим и с тонкой шеей, которая удерживала слишком большую и тяжелую голову, был полной противоположностью моему идеалу мужчины.

Надев вечерние туфли, я выяснила, что на полголовы выше босса, который намылился надеть в ресторан чуть ли не какие-то тапочки.

После пяти минут нервотрепки Родион все-таки надел туфли.

Нацепив стильные очки в дорогой оправе, которые он неизвестно зачем держал в нижнем ящике стола, а носил такую раскоряку, какую Маяковский метко поименовал «очки-велосипед», и надев легкий темный костюм, Родион стал похож на Стивена Спилберга.

– Вот это уже совсем другое дело, – с удовлетворением сказала я.

«Клеопатру» мы пришли приблизительно в восемь часов вечера. В это время ресторан был еще не полон, однако тут оказалось существенно больше людей, чем я ожидала. И в основном зале, и на широкой белокаменной балюстраде, обводящей ресторан по периметру.

Вот на последнюю-то мы и отправились.

Мы уселись за столик как раз по соседству со скульптурой Клеопатры со светыющимися змеями в руках. По всей видимости, последние были сделаны из пластика под мрамор и содержали фосфоресцирующие световоды. На фигуру египетской царицы какой-то шутник приклеил счет с итоговой цифрой в пять тысяч рублей.

Нам подали меню, и мы немедленно углубились в него. Определившись с выбором блюд, я начала рассматривать помещение ресторана. Тем временем Родион сделал заказ официанту, и тот удалился.

– Надо полагать, господин Каллиник не принадлежит к числу самых бедных сограждан, если владеет таким рестораном, – заметила я.

– Да, – отозвался Родион, – я сегодня просматривал его файл в базе данных ФСБ.

– Опять попросили доступ к ней у Саши-чекиста? – насмешливо спросила я.

– Разумеется. Так вот, господин Каллиник весьма преуспевающий бизнесмен. Имеет обширные связи в различных влиятельных кругах. Например, прямой выход на банки – к кредитам и выгодным договоренностям обеспечивал ему господин Рейн, управляющий «Торобанком». В политических кругах Каллиник имел представительство в лице второго своего близкого друга, господина Семина. Господин Семин, как известно, являлся членом Госдумы. Туда он попал по спискам партии, которая так не любит буржуев. А Виктор Иваныч Семин и есть самый что ни на есть ортодоксальный буржуй – владелец сети крупных автосалонов и авторемонтных мастерских.

– Позвольте, Родион Потапович, но член Госдумы не может иметь свой бизнес, – сказала я.

Босс улыбнулся:

– По закону – да. Но, как известно, строгость российских законов смягчается тем, что их никто не выполняет. Закон легко обойти, Мария. Весь его бизнес был оформлен на подставных лиц. Кстати, говорят, Семин потому и в Думу попал, что удачно подарил кому надо на день рождения замечательную буржуйскую машину «Мерседес». Широким народным массам эта демократическая модель известна под именем «шестисотого». Анекдотично, правда?

– Вы так рьяно взялись за это дело, босс, как будто вам его уже заказали, – отозвалась я.

Родион Потапович сразу скис. Пыл пропал, огонь в глазах угас, и он без особого энтузиазма оглянулся и произнес вялым голосом:

– И где там наш ужин?

* * *

Уже через полчаса все было кончено.

Нет, я не придаю этой фразе трагического звучания, как это время от времени бывало в моей бурной биографии. Просто иначе сложно поименовать мизансцену: мой босс Родион Потапович Шульгин с потерянным видом смотрит на тарелку с бренными останками оприходованного цыпленка, который наверняка влетит боссу в копеечку. Но самый трагический взгляд, бесспорно, был брошен в сторону совершенно опустевшей бутылки белого вина.

Я не выдержала:

– Да что вы, в самом деле, как маленький, Родион Потапович? Закажите бутылочку приличного коньяка. Дело хорошее... я тоже немного выпью.

– А ведь это мысль, – сказал он с таким видом, словно это я навела его на подобную идею, а не крутилась она, злополучная эта идея, все полчаса в голове моего начальничка, так смахивающей на голову Стивена Спилберга.

Уже через пять минут на лице Родиона Потаповича сияла самая что ни на есть жизне-радостная усмешка: ему принесли превосходный армянский коньяк в пузатой матовой бутылочке.

– По всей видимости, о поводе, который привел вас сюда, босс, вы уже скоропостижно запамятовали, – полушутя-полусерьезно сказала я. – Во всяком случае, никаких оперативно-следственных потуг на предмет обнаружения коварной Лили Адамовой, внучки столь замечательной бабушки, вы что-то не предпринимаете.

– А... не порти аппетит, – легкомысленно отозвался шеф, – давай лучше выпьем за то, чтобы всегда был повод выпить...

– Что-о?

– Ты меня не дослушала. Выпьем за то, чтобы всегда был повод выпить за удачно раскрытое и щедро оплаченное дело. Чтобы не сидеть нам без работы.

– Вот это совсем другой разговор, – сказала я.

Мы чокнулись, и тут же, как по заказу, а может, оно и было по заказу, верхний свет потух, просторный зал ресторана осветился настенными светильниками, а внизу, под балюстрадой, засверкал фейерверк и полилась оркестровая музыка.

– Баха играют, – с некоторым недоумением сказала я. – Это с каких же пор в московских ресторанах играют классику, да еще под фейерверк?

– Какая тебе разница? Может, у них предусмотрена культурная программа? – беспечно произнес Родион.

К тому времени как мы с боссом более чем наполовину осушили бутылку, болтая о том о сем, оркестр успел переиграть несколько наиболее известных произведений Моцарта, Баха, Глинки и Чайковского.

Родион снова налил, и в этот момент заиграли «К Элизе» Бетховена.

Я очень любила эту вещь и потому даже прекратила разговор и начала слушать; надо сказать, что играли хорошо, да и сложно предположить, что в приличном ресторане будут играть плохие музыканты. Все-таки большую часть ресторанных оркестров составляют профессиональные музыканты, игравшие ранее в филармониях и театрах, а ныне по финансовым обстоятельствам поменявшие работу.

Но как раз в тот момент, когда я совершенно перестала слушать, что мне говорит Родион, и погрузилась в музыку, оркестр вдруг сбился: пронзительно взвизгнула, как поросенок на мясохладобойне, труба, захрипела скрипка...

Я перегнулась через перила балюстрады, и моим глазам предстало в высшей степени занимательное зрелище.

3

В гущу музыкантов затесался какой-то господин в сползшем на плечо пиджаке, взъерошенный и, судя по всему, находящийся в последнем градусе алкогольной горячки. Он напал на скрипача, обнял его, поцеловал, потом начал целовать скрипку в руках оторопевшего музыканта с таким видом, как будто он был ценителем музыкальных инструментальных раритетов, а скрипку делал сам Антонио Страдивари. После этого жертвой подвыпившего господина стал трубач, у которого господин стал отнимать инструмент.

Родион проследил направление моего взгляда, поднялся из-за столика и, перегнувшись через перила, стал наблюдать и комментировать все происходящее следующим доброжелательным образом:

– Ну, мужичок явно перебрал с алкоголем. По всей видимости, сейчас его ожидает позорный остракизм.

Немного выпив, босс начинал изъясняться мудреными словами, чрезмерную концентрацию которых в своей хмельной речи сам он объяснял тем, что в юности его любимой настольной книгой был «Словарь иностранных слов».

– Что-то не заметно, чтобы его собирались этому подвергнуть, – сказала я. – По крайней мере, решение об изгнании... остракизме... – я невольно содрогнулась, – древние греки писали на глиняных черепках, а их-то я пока и не вижу.

– Ничего, разобьют что-нибудь, вот тебе и черепки, – бодро спрогнозировал босс.

Тем временем обсуждаемый нами господин добрался до микрофона, щелкнул пальцем по нему и проговорил:

– Ик!.. дорогие посетители ресторана. Я хочу сказать, что за все это бе-зо-бразие, учиненное здесь и сейчас на ваших... почтенных глазах, будет отвечать... ха-ха-ха!.. правильно: ха-азяин этого ресторана. То ись...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.